

www.promegalit.ru

Поэтическая серия
«Только для своих»

инна домрачева
ОБЕЧАЙКА
книга стихотворений

инна домрачева

ОБЕЧАЙКА
книга стихотворений

Евразийский журнальный портал «Мегалит»
2016

УДК 821.161.1
ББК 84 (2Рос=2Рус) 6-5

Инна Домрачева. ОБЕЧАЙКА: книга стихотворений. - сер. «Только для своих» - Евразийский журнальный портал «МЕГАЛИТ» - Кыштым, 2016 г. - 44 с.

УДК 821.161.1
ББК 84 (2Рос=2Рус) 6-5

ISBN 5-87039-087-33

© Инна Домрачева, стихотворения, 2016
© Александр Петрушкин, дизайн, верстка серии, 2016

ОГЛАВЛЕНИЕ

Когда мне было четыре года	/7/
Забор, где вырывается вперёд	/8/
ОТЧИСЛЕНИЕ С ИСТФАКА	/9/
Засчитан закос под под задрота	/11/
Метаболит мерзавца кетамина	/12/
Хватит драться с собой за потерянный рай	/13/
Замираешь, неловко сморщишься, косорот	/14/
Хочешь ли, нет ли, дальше придётся жить	/15/
Несут в помойку унитазаы	/16/
ЛЮБОВЬ	/17/
Отчаяние в малых дозах — лекарство, никак не яд	/18/
Николка, юнкер, салабон	/19/

Эта ветровка держит дождь
/20/
На заре таких уносит аист
/21/
Погодите, сейчас всё узнаете – где, когда
/22/
Из кошмара больного, непрочного
/24/
Так тонок звук, что кажется — обманет
/25/
Он говорит на языке, который я учила в детстве
/26/
Просыпались от крика «команда была «бегом!»
/27/
Я привязана сыном к земле
/28/
Позвоночные сожрут нас, головохордовых
/29/
Умерев, я забыла дорогу
/30/
И только на исходе лета
/31/
Кто здесь все эти люди, я вас не знаю
/32/
Вижу главное — к югу бегут облака
/33/

И последний, гвоздиком в крышку, портретный штрих
/34/
Игрушечного рая
/35/
Мотылек говорит второму: смотри, смотри!
/36/
Не любой, кто учил целоваться Иуду
/37/
Со временем
/38/
Глобализация — это когда Алёна пишет в аське
/39/
змея был тестировщиком, а яблоко — баг-репортом
/40/
Если не найти кого-то, кроме
/41/
Люблю живой огонь, но согреваюсь мёртвым
/42/

* * *

Когда мне было четыре года,
Мы с отцом ходили на трамвайную остановку
По обледеневшему автомобильному мосту
Со сломанными перилами.
Вместо ноги у отца был протез
И очень скользкий ботинок на этом протезе.
Когда мы приближались к месту,
Где нет перил,
Я пыталась держаться так,
Чтоб оказаться на траектории падения
И не позволить отцу скатиться.
Впрочем, основы механики
Были понятны интуитивно —
Не удержу.
«Пап! — говорила я. — Давай сядем на жопу и съедем».
Отец улыбался.
Прошло больше тридцати лет,
А я так и не научилась отходить в сторону.

* * *

Забор, где вырывается вперёд
В падении отломанная рейка,
Постелен превосходный гололёд
Для плавания, фитнеса и брейка.

Как будто подавая угловой,
Махнул ногой парнишка в разлеталке
И поглядел, воздев над головой,
В пятилитровый батл незамерзайки.

Её лучи пронзают темноту,
Он Диоген, он ищет человека,
И тяжело повисла на мосту
Почти пустая туча из-под снега.

ОТЧИСЛЕНИЕ С ИСТФАКА

Ты думал: «Руку бы сломать,
Но это ересь...»
Когорта шла в военкомат,
Как сельдь на нерест.

Забудь, к чему тебя, легат,
Вела history;
Пылился, путался закат
В атласной шторе.

Ещё в учебке ты не знал,
Что будет дальше,
Вас разослали, как журнал,
Как Reader's Digest.

Там, на зубах, в дыму и тьме,
Хрустело лето,
И фотография в письме,
В блине берета...

И пара строчек, что жара
Страшной проказы,
No diem tertium, — ура! —
Число приказа.

А мама 3-е — в киноварь,
И, маме вторя,
Горит на кухне календарь,
И в коридоре.

1996

* * *

Засчитан закос под под задрота,
Спасибо, товарищ курсант.
Какая девятая рота,
Какой ещё, к чёрту, десант?

Не следует драться и злиться,
Нам нравятся хлопок и льны,
И наши прекрасные лица
Тактически очень верны.

Залитые бронзой по пояс,
Сыгравшие драму и фарс,
Мы люди, но наш бронепоезд
Рывками уходит на Марс.

* * *

Метаболит мерзавца кетамина
Безвреден для подопытных мышей,
Ни пастернака на зубах, ни тмина,
Душа сгорела — новую пришей.

Не пробуя рассвета чувством локтя,
Ты прорастаешь между серых плит,
Когда к тебе приходит добрый доктор
Метаболит — и больше не болит.

Метаболит — и весело чертовски,
И баритон безвременья ослаб,
Но Константин Добрейший Паустовский
Уже не пришивает новых лап.

Бессонница. Заря над Новотрубным,
Которая тебя подстерегла,
И мёртвые мышата, дружелюбно
Глядящие на нас из-за стекла.

* * *

Хватит драться с собой за потерянный рай,
Ты же знаешь — он выдуман, чёрт нам не брат, но
Если вышла в огонь — без остатка сгорай,
Потому что нельзя возвращаться обратно.

Посекундно сверяясь — где полночь? близка?
Легче в лютом ознобе, чем на солнцепёке,
Ты пыталась остаться в поющих песках,
Возвращаясь в мираж без воды и дороги.

Просто шёпот бархана, его голоса,
Собирайся, уходим, здесь нет человека,
Не спасти обожженные солнцем глаза,
И ножом по живому прорезано веко.

* * *

Замираешь, неловко сморщишься, косорот,
Ухмыльнёшься — хожу в панические атаки,
Если в лёгких воспламеняется кислород,
Вероятно, они выносливее бумаги.

Спи, отчаявшись осторожненько, невзятя,
Всё бы зажило много раньше, не обернись мы,
Но ни гаджеты, ни аккаунты в соцсетях
Не спасают от ощущения анахронизма.

Потому что кинжал ископаем, пистоль кремнёв
И подпилена, раз уж новенькая, верёвка,
Очень правильно говорила Катрин Денёв:
«Чьей-то мукой быть и мечтой — это так неловко...»

* * *

Хочешь ли, нет ли, дальше придётся жить,
С энтузиазмом, с музыкой, но другой,
Мир окончательно спёкся в паркетный джип,
Как настоящий, только фольга фольгой.

Проще всего — зажмурился и зачах,
Или, как дерево, вспыхнул от слов сверчка,
На побережье озера спит очаг,
Летний, с горелыми банками от бычка,

Змеевиком обложен, внутри зола,
Горноуральский, сказовый колорит,
Я тебя помню, ты же не умерла,
Раза четыре, кстати, зеркало говорит.

* * *

Несут в помойку унитаза
Под покрывалом темноты,
Идёт народ на выкрутасы,
Не все же смелые, как ты.

Мария Педро Варгас Льоса,
Твой вклад в гротеск неоспорим,
Кто мне окурок под колёса
Метнул, спустись, поговорим.

Но сколь верёвочке ни виться,
А слова некому сказать,
Идут три пьяные девицы,
Ни прясть, ни лыка увязать.

Пюют, вокруг прищурясь зорко,
Косясь на парня одного,
На нём защитна гимнастёрка,
Но я волнуюсь за него.

Обременённый ипотекой
Труп, то есть тело, сам пьяно,
Но нет страшней для человека,
Чем три эринии в говно.

ЛЮБОВЬ

«Ты чего разлётся, срамные твои глаза?
Вот за них-то... дура, чо — не видала баше...
И мослы, беспутый, выстудишь, и мяса,
Нет, лежит, бесстыжий, zenки свои таращит.

Я же с ног валяюсь, не девчонка уж, — Катя то,
Катя сё, и так с будильника до отбою,
Даже сына вон положили вчера в ЦИТО,
Не за ним хожу, полОматым, — за тобою.

Поклянусь чем хочешь, хоть бы и на кресте,
Перестану, брошу, хватит, клещом же впился,
Я котлеток ему нажарила, сволоте,
А он здесь валяется, Аньки бы постыдился!»

Аня, с ужасом думая, как это всё зимой
Будет, надо же, сколько в ветхой старухе силы,
Говорит ей: «Вставай, баб-Катя, пойдём домой».
Поднимает, уводит к выходу, от могилы.

* * *

Отчаяние в малых дозах — лекарство, никак не яд,
От 95%-ного гнева кипит бумага,
Отчаявшегося человека не видят и не едят,
Разве такой же отчаявшийся бедолага.

Идти по промзоне ночью, смартфоном себе светя,
Мимо колючки ли, вдоль объездного пути ли,
Бросаться в иное мгновение голову очертя —
Довольно, чтобы с утра её мелом не очертили.

Клоунада, приравненная к трагедии, Cirque du Soleil,
Картонный домик, давай, я тебя обрушу?
Живёшь такой наизнанку — и ничего, даже теплой,
Как освежёванному животному мясом наружу.

* * *

Николка, юнкер, салабон,
Не умирай, возьми гитару,
И крой по-черному. PR-у
Приоткрывается сезон.

Лежит в заснеженной меже
Ушедший год, велик и страшен.
Тебя никто не спросит: «Рашен?»,
Поскольку некому уже.

Запри страну на карантин,
Окостенелую, как ящер,
И за сестру твою молящий
Рыжебородый Валентин

Пойдёт в расход; но кит и кот
Возьмут своё у Заходера.
Петлюра меньше, чем мадера,
Его не хватит и на год.

* * *

Эта ветровка держит дождь
Не больше пяти минут.
До кладбища сорок,
Если пешком.
А мы пешком.
У Серёжки на хребтине — лопата,
У меня на сгибе левого локтя
(Так носят детей) —
Урна.
Капли по зелёному пластику
Под змеевик.
Кутаю папу в ветровку,
Чтобы не дождь.
«Что, пепел Клааса стучит в твоё сердце?» —
Внезапно спрашивает Серёжка.
Он издевается.
Я бы решила, что он издевается,
Кабы не рыжее пятно
От ржавой лопаты
На вороте куртки.

2002

* * *

На заре таких уносит аист
Грузовой, за горы и за лес.
Он ногой толкается, качаясь,
Поднимая скрипы до небес.

В предрассветной дымке Боттичелли
Голосом осипшим, пропитым,
Он поёт: «Крылатые качели!
Я не буду больше молодым...»

И с улыбкой детской и счастливой
Он, фальшивя разве что едва,
На пустой бутылке из-под пива
Выдувает нежные слова.

Как бы сердцем ни были мы зорки,
Те качели ржавые вольны
Походить на каждые задворки
Пьяной, отмудоханной страны.

* * *

Погодите, сейчас всё узнаете – где, когда...
Во время Второй мировой матросы линкора «Бисмарк»
Контрабандой, под полой, на борт пронесли кота,
Хотя положение их не могло внушать оптимизма.

Ситуация прояснилась уже через девять дней —
Линкор был потоплен враз королевской эскадрой.
Море внезапно стало сытнее, но и мутней,
И сотня статистов едва доплыла до другого кадра.

Это из двух-то с лишним тысяч, каков сюжет!
Но оставить тонуть кота англичане были не в силах.
Извлекли из пучин, расчесали, внесли в бюджет:
Малых бы сих презреть, но настолько милых?

Как вы поняли, други, в эсминец этот «Казак», —
Не прошло и полгода, именно так, как в песне, —
Угодила торпеда немцев, а он — впросак.
Ситуация становилась всё страньше и интересней.

Лишь потом, когда кота назвали Непотопляемый Сэм,
И пустили ко дну «Арк Ройял», где спал и тёрся
Наш герой, его догадались списать совсем.
Отрывали от кока. Летели фрагменты души и торса.

Там, на суше, вдали от бомбёжки и суеты,
Сэм прожил целых десять лет и ещё маленько,
Прежде чем однажды лечь у большой плиты
И подумать: «Вот она, следующая ступенька».

Можно ещё добавить нору, где живет пустота,
Сорок пять полосатых котят и любовь к ментаю...
Говорят, что последними словами кота
Были: «Тургенева не читал, но Герасима осуждаю».

* * *

Из кошмара больного, непрочного
Черти хвастались новым котлом:
«Это для продавщиц из цветочного
С седоватым тяжелым узлом.

Кипятку наливаем по щиколку —
Ради тех, кто пока не привык
И ещё накануне обсчитывал
Покупающих восемь гвоздик».

* * *

Так тонок звук, что кажется — обманет,
Плеснёт хвостом, умчится в небеса,
Но музыка, укрытая в кармане,
Вот-вот откроет чистые глаза.

Наушники, похожие на беса,
Укрывшего декабрьскую грозу,
Ты провод, словно шёлковую лесу,
Протягиваешь в пальцах на весу.

Пока простор не сделался ненастен,
На время, остановленное вдруг,
Ты тоже тот, кто разбирает снасти,
Когда идёт мелодия вдоль рук.

* * *

Он говорит на языке, который я учила в детстве:
Лукавый взгляд из-под волос вполоборота головы,
В ладони мятлик и пырей, ковыль, растущий по соседству,
Улыбкой смятый угол рта в крупинках солнечной халвы.

Он понимает этот знак, сейчас ли только, вообще ли,
Его народ всегда умел не позволять себе мешать,
На шее, возле кадыка, трепещут жаберные щели,
Они не делят «говорить» на «доверяться» и «дышать».

Его слова — негромкий треск в костёр подброшенных поленец,
Так оглушительно молчать давно не смеет большинство,
Он в этом мире безъязык, он здесь чужак, переселенец,
Но в детстве я жила в стране, где все похожи на него.

* * *

Просыпались от крика «команда была «бегом!»»,
Ледокол беззаботной улыбки вмерзал во льды,
Потому человек, который был Четвергом,
Не терпел барона Субботы и их среды.

Он и сам не помнил, как впитывал их завет —
Кто успеет сказаться правым — и будет прав,
Помнишь, как нам читал религиовед,
Кафедры научного атеизма зав:

«Наш господь пастуху по имени Моисей
Нормы тезисно изложил на горе Синай»?
Вот и ты, мой друг, будь умницей, — не борзей,
Не дыши, не знай, не думай, не вспоминай.

* * *

Я привязана сыном к земле.
Не пропустит его оборона
Ни ресничную сырость перрона,
Ни валентную связь Кекуле.

Из отваги и немочи соткан,
Из конфет и кроссовок в репье.
Я привязана сыном к себе,
Как страховочным стропом к высоте.

* * *

Позвоночные сожрут нас, головохордовых,
Нет, чтобы в известняк, и — окаменели,
И любить ещё страшно, но уже холодно,
Ты же знаешь, что там, в конце тоннеля.

Болевые окончания стачиваются,
Из Леты в коллектор проникает вода,
И то, что жизнь, в общем-то, не заканчивается,
Понимаешь, когда она заканчивается навсегда.

* * *

Умерев, я забыла дорогу,
Проводи меня в царство живых,
За ворота, у нас тут не строго,
Только надо в обход часовых.

Так забавно кривляются люди
Через сепию пыльных окон,
Будто каждому здесь, в абсолюте,
Обещали билет на балкон.

Отчего ты рассветом вчерашним
Пахнешь — небом и терпкой листвой?
Отойди, мне становится страшно,
Ты же сам... неужели?.. живой!

Для чего ты пришёл? Перестань, я
Умерла, не имею души,
Воспалённым горячим дыханьем
Не дыши на меня, не дыши!

Я качалась в реке, забывая
Боль, и холод, и солнечный свет,
А теперь безнадежно живая,
И спасения, видимо, нет.

* * *

И только на исходе лета
Себя к прозрению готовь,
Не удивляясь, что вот это —
Возможно, вовсе не любовь.

А просто город стал несносен,
В нём вязнут дни и имена,
И нужен просто запах сосен
И темнота. И тишина.

* * *

Кто здесь все эти люди, я вас не знаю,
Ну-ка моментом сыграли отсюда джаз,
Вы меня с кем-то спутали, я не злая,
Всех горячо люблю, но не всех — сейчас.

Я деликатна до рвоты, как юный Вертер,
Нету нежнее, ранимее и милей,
Просто позавчера отгорел инвертор,
Мир загрузился, но напрочь погас дисплей.

Чёрт его, что там Мягкову ответил яшень,
Прежде чем раздавить, размолоть в муку,
Я утверждаю по-прежнему — мир прекрасен,
Но доказать уже ничем не могу.

* * *

Вижу главное — к югу бегут облака,
Пни боками трепещут, вздыхая слегка,
Отсечёнными брея хвостами,
И ближайшему я отвечаю — прости,
Мы в чужое, безвидное небо врасти
Не сумели, но честно врастали.

Так покойно, что, робко мышкуя, беда
Распадается в ядерном поле стыда,
В это сорное время опять бы,
Можно выспаться, падая, — ветер упруг,
У снежинки три пары распахнутых рук —
Для винта, для креста, для объятья.

* * *

И последний, гвоздиком в крышку, портретный штрих:
Я не видела скучных, где ты находишь их?
Не скажу за семь миллиардов, но лично мне
Попадают пораженные одне.
Нас учил, соплюшек, фотограф, большой поэт:
«Да любой красив, если внятно поставить свет».
Восхищаешься, кадры отщёлкивают подряд,
Привыкаешь и не вникаешь, пусть говорят...
А потом замыкает вдруг не пойми на чём:
Как застенчиво замолкает, пожав плечом,
Как он чешет место укуса через носок,
Как досадливо трёт набрякший больной висок,
Как спокойно курит и горестно, чёрт возьми!
...А ты говоришь, — я разбрасываюсь людьми.

* * *

Игрушечного рая
Гражданство сохраняя,
Я скоро проиграю,
Удержишь ли меня?

О, сшитый из заботы
С досадой и виной!
Я знаю, за кого ты
В войне меня с мной.

* * *

Мотылёк говорит второму: смотри, смотри!
Или нет, догоняй скорее, лети за мной,
Мы уснём поиграть в людей, у кого внутри
Осыпается звон хрустальный и медвяной.

Мы не знали — мелодию глушит любая дрянь,
И того, что твердеет воздух, произнесён,
И всё жалче к рассвету людьми оставаться впрямь,
Хорошо бы уснуть и увидеть, что это сон.

Всё, что пело, летало, бегало и росло
Не забудь, и вот этот камень ещё возьми,
Ты досадливо говоришь: потянул крыло,
Но ещё минуту мы снимся себе людьми.

* * *

Не любой, кто учил целоваться Иуду,
Видел Киев в четыре часа.
Логовенко достиг состояния Будды,
Но остался внутри колеса.

У строителей и устроителей чуда
Под кирзой захрустели леса.
Логовенко достиг состояния Будды,
Но остался внутри колеса.

Голова Иоанна не падает с блюда,
Удивлённо глядит в небеса:
Логовенко достиг состояния Будды,
Но остался внутри колеса.

На траву и любую другую посуду
По утрам выпадает роса.
Логовенко достиг состояния Будды,
Вышел за.

* * *

Со временем
Мы все станем временем,
Пеплом или песком,
Младенческим теменем,
Сахарным тростником,
Остатками воздуха
В промасленной тишине,
Аллеями Звёздного,
Приснившимся стране.

* * *

Глобализация — это когда Алёна пишет в аське,
Что бомбят вокзал,
А он — рядом.
Глобализация — это когда Алёну могут убить
Младшие братья твоих одноклассников.
Глобализация — это когда мирное население страны-агрессора
Рассказывает про новую кофточку,
А потом замолкает, и ты не можешь дышать.
Две минуты, до нового сообщения.
Глобализация — это когда зона поражения при бомбёжке
Больше, чем расстояние от Алёны
До стратегического объекта страны-агрессора.
Глобализация — это когда любая война — гражданская.
Глобализация — это когда любая война — твоя.

* * *

змея был тестировщиком, а яблоко — баг-репортом,
добро и зло отличались вкусом, но чаще сортом,
в большинстве они были с ещё не выведенного древа,
из того оборота, где strawberry fields forever.
а ева была уязвимостью, ева была проблемой,
ранкой, некстати надсаженной жилкою подколенной,
и даже не человеческим фактором, а настоящей бедою,
тёмной от крови с жёлчью горькой слюной густою.
я не хотела родиться евой, это доводит до иступления.
откуда синяк? подрался с никитой, чтобы не лез к лене. я,
мама, не думаю, что девочки должны варить и качать железо,
но она же тоже ходит на каратэ, и могла сама ему врезать!
понимаешь, сын, в том куске кода, который описывал еву,
уязвимость была прописана в начале строки, слева,
и когда этот участок закомментировали, вывели из работы,
ева перестала быть женщиной. стала ботом.

* * *

Если не найти кого-то, кроме, —
Голубем назначат воробья.
Томас, в этом сумасшедшем доме
Вся надежда только на тебя.

Из чего теперь не лепят храмы,
Хорошо, когда из пустоты...
Только ты отважно и упрямо
Рвёшься в раны вкладывать персты.

Мало опрокинуть чашу света,
Важно мимо не пролить его.
Томас, Томас! Не дает ответа,
И в пещере тоже никого.

* * *

С.И., Я.Г.

Люблю живой огонь, но согреваюсь мёртвым,
Стреленным, пустым и запертым в тюрьме,
Передавай ожог по венам и аортам,
По небу и земле, по свету и по тьме.

Гори, гори звезда постыдного мира,
Расстрелянного в пыль, сожжённого в пылу,
Но ложка в криолин клубничного пломбира
Вмерзает, замерев Наташей на балу.

С последней немотой кончается эпоха,
Где родинка летит в зелёное ведро,
Как будто *diga lex* — не то, что «дура, Лёха!»,
И пережившим ночь покажется светло.

www.promegalit.ru

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗДАНИЕ
СЕРИЯ «ТОЛЬКО ДЛЯ СВОИХ»

Инна Домрачева
ОБЕЧАЙКА:
книга стихотворений

www.lulu.com
www.promegalit.ru

Подписано в печать 26.10.2016 г.
Формат: 148x148 1/16
Тираж: 400 экз.